

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО В НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Чулкова Дарья Сергеевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питириима Сорокина»
chulkovad@mail.ru

THE DEFENDANT'S LAST WORD IN NATIONAL CRIMINAL LAW SYSTEMS

D. Chulkova

Summary. The meaning of the defendant's last word in the institute of defense is largely determined by the specifics of a certain national legal system. The article provides an overview of the place and meaning of the defendant's last word in the criminal practice of national legal systems, the typologies of which are based on the principle of the rule of law, judicial practice or legal ideology. The author analyzes the Romano-Germanic (continental) and Anglo-Saxon (insular) legal families, as well as the system of traditional law, the main principle of which is the legal national ideology, which includes the religious and communal legal systems of Muslim, Hindu law, as well as the legal systems of the countries of the Far East.

The effectiveness of the defendant's last word as an instrument of his legal defense is considered in a comparative approach, based on a comparative legal analysis of national law systems.

Keywords: the last word of the defendant, the national legal system, criminal procedure, criminal proceedings, criminal law, legal norms, legal families, law enforcement practice.

Аннотация. Значение последнего слова подсудимого в институте защиты в значительной мере определяется спецификой определенной национальной правовой системы. В статье представлен обзор места и значения последнего слова подсудимого в уголовной практике национальных систем права, в основу типологий которых положен принцип главенства закона, судебной практики либо правовой идеологии. Автор анализирует романо-германскую (континентальную) и англосаксонскую (островную) правовые семьи, а также систему традиционного права, основным принципом которой является правовая национальная идеология, включающая в себя религиозно-общинные юридические системы мусульманского, индусского права, а также правовые системы стран Дальнего Востока.

Результативность последнего слова подсудимого в качестве инструмента его правовой защиты рассматривается в компаративистском подходе, на основе сравнительно-правового анализа систем национального права.

Ключевые слова: последнее слово подсудимого, национальная система права, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовное право, правовые нормы, правовые семьи, правоприменительная практика.

Национальная система права любой страны включает два взаимообусловленных элемента: собственно совокупности регулирующих норм и правоприменительной практики, как эти нормы реализуются в правовом поле. Исходя из превалярования одного из элементов принято выделять романо-германскую (континентальную) и англосаксонскую (островную) правовые семьи. Для первой характерно превалярование регулирующих норм, закрепленных в кодификаторах. К континентальной системе принято относить большинство европейских стран, страны Южной и Центральной Америки, Турции, Индонезии, Японии, Сингапур, Тайланд и др.

Для второй, англосаксонской системы основным принципом является прецедент, как источник права, то есть поиск пути разрешения судебного спора на основании аналогии. Эта система применяется в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии и др.

Наряду с этим существует система традиционного права, основным принципом которой является правовая национальная идеология. К.Б. Калиновский и многие другие эксперты относят к ней религиозно-общинные

юридические системы мусульманского, индусского права, а также правовые системы стран Дальнего Востока, таких как Китай, Япония, Монголия, Корея, государства Индокитая, Африки и Мадагаскара [9, с. 28].

В контексте этой иерархии регламентов и практики их применения последнее слово подсудимого наделяется определенным правовым значением, как инструмент института защиты. Важно отметить, что ни одна из стран не может быть представлена в качестве идеального варианта определённого типа правовой семьи, т.к. в современном мире существуют тенденции на нивелирование отличий и смешивание моделей организации правовых систем. Таким же общепринятым экспертным мнением считается суждение о том, что исходя из исторических реалий современные уголовно-процессуальные системы в демократическом обществе относятся к публично-исковому состязательному типу, благодаря чему обеспечиваются как частные, так и общественные интересы [9, с. 39].

В этой связи обратимся к анализу частных случаев применения судебной защитительной речи на этапе, предшествующем вынесению приговора в странах,

представляющих различные национальные правовые системы.

Итак, последнее слово подсудимого, как процессуальный элемент судебного разбирательства, имеет важный логический и ценностный аспекты.

Во-первых, оно всегда завершает судебный процесс, тем самым как бы ставит логическую точку в судебном разбирательстве, которая при наличии определенного качества способна значительно повлиять на оценку доказательств, которая будет дана судом при вынесении итогового решения по делу.

Во-вторых, невозможно игнорировать и коммуникативно-ценностное эмоциональное воздействие речи подсудимого на аудиторию. Тем более, если речь идет об организации суда с участием присяжных заседателей. Именно непрофессиональная аудитория наиболее подвержена эмоциональному воздействию судебного красноречия. В связи с чем выделение последнего слова подсудимого как самостоятельного элемента в системе рассмотрения дела судом по существу имеет немало важное значение.

В Англии, заложившей принципы англосаксонской семьи правосудия, во времена XII–XVII вв. суд присяжных обладал функциями по выявлению, расследованию и преследованию преступлений, а также ответу на вопросы о виновности подсудимого на основе сведений, полученных присяжными самостоятельно. Подобная идея, на которой базируется инквизиционный подход к организации уголовного судопроизводства, является существенной характеристикой архаического уголовного процесса [2, с. 66]. Ввиду чего становится закономерным, что для соответствия запросам современного общества и усложнения процессуальных задач правосудия суд Великобритании переориентировался на состязательность процесса, вместо профессионализации правосудия.

С.А. Кондратьев отмечает, что в таком уголовном процессе присяжным была отведена роль скорее «арбитра», но не судьи, которую лица без профессиональной юридической подготовки не способны выполнять в принципе. Это предопределило формирование особых процессуальных подходов к назначению наказания [4, с. 11].

С позиции автора, англо-американский подход к стадии назначения наказания, правовой режим которого разительно отличается от той части судебного разбирательства, где рассматривается и разрешается вопрос о виновности подсудимого, является закономерным результатом эволюции данного уголовного процесса. Многовековое разграничение компетенции между присяжными и судьями, отход от абсолютно-определенных

санкций в пользу гибких относительно-определенных, а также взрывной рост в XX веке соглашений о признании вины превратили одномоментное решение судьи о наказании осужденного в полноценную фазу производства в суде первой инстанции, что стало характерным для Англии и США [4, с. 12].

Назначение наказания в этих странах основано на следственном начале, а не на состязательности сторон, ввиду чего последняя характеристика не определяет построение процедуры доказывания, а сводится лишь к праву стороны довести свою позицию до суда.

Цензура, чей механизм имманентно присущ англо-американскому уголовному процессу как при производстве в суде присяжных, так и при иных формах рассмотрения уголовного дела, предоставляет суду право в некоторых случаях задерживать вынесение решения о наказании, при этом позволяя возложить на осужденного ряд обязанностей с помещением его под надзор службы пробации с той целью, чтобы не только оценить личность осужденного в динамике, но и дать ему возможность исправиться без назначения наказания и связанных с этим негативных последствий. Это и есть так называемый феномен отложенного разрешения дела [4, с. 13]. В данном случае важность последнего слова подсудимого, как инструмента защиты, фактически нейтрализуется, поскольку суд дает оценку не сказанному в зале заседания, а скорее личности подсудимого, его поведению и готовности встать на путь исправления.

В Великобритании судебный процесс не формализован в качестве отдельных этапов. Процесс строится как перманентное дискурсивное изложение позиции, синхронизированное с доказыванием и аргументацией версии стороны судебного процесса. При этом сторона защиты всегда следует в процессе за стороной обвинения, что логично и закономерно. Доминирование модели чистой состязательности над «пассивным» судом на стадии судебного следствия и при разрешении вопроса о виновности подсудимого, а также невозможность достижения торжества социальной справедливости и общественного интереса по большинству дел в виду распространения сделок о признании вины, привели Англию и США к перенесению центра тяжести уголовного процесса на этап назначения наказания [4, с. 12].

Как известно, для большинства романо-германских стран, таких как Франция, Германия и др., а также для России, характерно что судебное разбирательство включает строго регламентированные процессуальные стадии.

Германия, для которой принцип «Ordnung» (нем. порядок) воплотился в онтологию логики права, здесь уголовный процесс регламентируется в пяти процедурах. Последнее слово подсудимого предваряет последнюю,

пятую процедуру постановления и провозглашения приговора.

К континентальному подходу к структуре судебного разбирательства стоит отнести и Швейцарию. После окончания прений подсудимому предоставляется право на последнее слово (*das Recht auf letzte Wort*) [10, с. 1720]. В трудах М. Хаури указано, что для обеспечения реализации своего права на защиту подсудимый может, как бы подводя итог, еще раз лично высказаться перед судом [11, с. 2362]. Кроме того, по мнению М. Хаури, какие-либо судебные выступления после этого не предусмотрены. После чего слушания с участием сторон объявляются завершившимися. Т. Фингерхут отмечает, что последнее слово дается только подсудимому, что относится к сугубо личностным правам, поэтому его передача защитнику законом не предусмотрена [12, с. 98].

В отличие от Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации [1] Кодекс Швейцарии разрешает задавать подсудимому вопросы и ограничивать продолжительность его выступления, поскольку затягивание времени выступления или наличие высказываний, не связанных с предметом судебного разбирательства, сводится к запрету на злоупотребление правом. Исследование правовой природы этой сентиментально-символической процедуры свойственной большинству современных правопорядков и показывает ее органическую связь с принципом благоприятствования защите (главное проявление данного принципа) [6, с. 147].

Поскольку подсудимый говорит последним, его слова должны произвести сильнейшее впечатление на судью. В суде присяжных, который был отменен в Швейцарии в 2011 году, этот эффект имел еще большее значение — кантональные законодатели, как правило, смягчали его нормой об обязательной напутственной речи председательствующего [5, с. 354].

Принцип единства приговора, положенный в основу судебного разбирательства в российском уголовном процессе (за исключением рассмотрения дел в суде присяжных), привел к механическому распространению представлений о роли суда и других участников процесса при рассмотрении дела и разрешении вопроса о виновности лица [4, с. 13; 8, с. 296].

С.А. Кондратьев отмечает: «Явная недооценка специфики назначения наказания, характерной для российского уголовного судопроизводства, способна привести к негативным последствиям в виде чрезмерно сурового или необоснованно мягкого наказания, не соответствующего характеру и степени общественной опасности деяния, а также личности виновного, что влечет пересмотр дела в суде второй инстанции, тем самым увеличивая нагрузку на работников судебной системы. Иначе говоря,

подобная ситуация делает невозможным достижение целей уголовного судопроизводства в части определения справедливого наказания по каждому уголовному делу» [4, с. 13–14].

Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, как в континентальном, так и в англо-американском уголовном процессе, основывается на двух фундаментальных принципах уголовного судопроизводства — следственном и публичном, не делимых друг от друга [3, с. 604]. «Данная процедура обуславливает активность суда в исследовании обстоятельств дела и самостоятельность не только в оценке доказательств, но и в определении вида и размера наказания. При этом состязательность сторон при назначении наказания проявляется лишь в ограниченном масштабе, принимая форму права стороны представить свою позицию и аргументы по делу, которые учитываются судом, но не ставят активность последнего в зависимость от соответствующего волеизъявления участников уголовного судопроизводства» [7, с. 157].

Наиболее важную роль при назначении наказания играет характеристика личности подсудимого, его готовность встать на путь исправления, возмещение причиненного вреда и др., поскольку цель наказания — пресечение совершения новых преступлений конкретным лицом, чья судьба решается в настоящем процессе.

Выводы

Единство целей уголовного судопроизводства таких, как ответы на вопросы о виновности подсудимого и назначении ему справедливого наказания, не предопределяет единства подходов к их достижению.

Во-первых, существует континентальный подход, чья суть сводится к монолитному судебному разбирательству, в ходе которого вопрос о виновности и вопрос о наказании обсуждаются совместно и их решение заканчивается единым процессуальным актом, основанным на принципе единства приговора, характерного для судов Российской Федерации, Германии и др. Во-вторых, имеет место быть англосаксонский подход, который основывается на разделении судебного разбирательства на два этапа, то есть вопросы о виновности и о наказании обсуждаются автономно. Каждый из подходов, безусловно, не идеален, имеет как преимущества, так и недостатки.

В этой связи последнее слово подсудимого, в контексте вышеизложенного, остается элементом системы защиты подсудимого, однако, как показывает опыт, не несет определяющей роли в уголовном процессе. Особенно очевидным данное положение становится в модели заключения соглашения стороны обвинения с подсудимым, в рамках которого признание вины компенсирует строгость наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Кондратьев С.А. Роль суда на этапе назначения наказания в уголовном процессе Англии и США: дис. . . канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Александрович Кондратьев. — М., 2021. — 197 с.
3. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.
4. Основные правовые системы современности. Перевод с французского / Давид Р; Пер. и вступ. ст.: Туманов В.А. — М.: Прогресс, 1988. — 496 с.
5. Правосудие в современном мире: монография / Под ред.: Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. — М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 704 с.
6. Трефилов А.А. Рассмотрение дела по существу в уголовном процессе Швейцарии (ч.2) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2016. — № 6. — С.143–149.
7. Трикоз Е.Н. Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. — М.: Городец, 2006. — 1402 с.
8. Уголовный процесс западных государств. Учебное пособие для юридических вузов / Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А.; Под ред.: Гуценко К.Ф. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Зерцало-М, 2002. — 528 с.
9. Уголовный процесс современных зарубежных государств: Учебное пособие / К. Б. Калиновский. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. — 48 с.
10. Fingerhuth T. Art. 347 // Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). — Zürich, 2010. — P. 1719–1720.
11. Hauri M. Art. 347 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerisches Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. — Basel, 2010. — P. 2362–2363.
12. Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. — Basel, 2009. — 186 p.

© Чулкова Дарья Сергеевна (chulkovad@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»